

Глава 41

Скудный лунный свет падал на двор перед Залом исполнительских искусств.

Цветы и трава тонули в туманной дымке, отгородившись от тихих звуков классической музыки, доносившихся изнутри.

А здесь, в нише стены, под прямым углом, хрупкое тело юноши было сковано незримой силой. Он отвернул голову, полностью скрытый тенью. Его профиль в полумраке казался отстранённо-прекрасным, а длинные ресницы были опущены, словно он устал от чьего-то присутствия.

После того как он спокойно произнёс «Цзи Чжаосюнь», невидимые пальцы стиснули его подбородок.

Ему пришлось поднять свои лисьи глаза. Взгляд был холодным и равнодушным, направленным прямо на «человека», которого он не мог видеть.

Но Цзи Чжаосюнь видел его отчётливо.

Видел лисью маску на его лице.

Маска была белоснежной, с красным узором по краям, и закрывала лишь верхнюю половину лица, слегка выступая над переносицей.

Скрытое тенью и смягчённое маской, лицо юноши утратило свою обычную холодную остроту. Лишь прекрасные, отстранённые глаза, устремлённые на него, оставались неприкрытыми.

Цзи Чжаосюнь опустил взгляд, склонив голову чуть ниже, и посмотрел на губы, что были так близко.

Внезапно он подумал: неужели ему не страшно?

Не боится ни призраков, ни его самого. Не боится, что он, ставший призраком после того, как он застрелил его, может причинить ему вред.

Он даже узнал его.

С первого раза.

Он, по правде говоря, никогда не видел, чтобы Юй Люгуан чего-то боялся.

Ни власти, которую он умело использовал в своих целях, ни угроз — в его характере всегда была готовность пойти до конца, уничтожив всё вокруг.

Казалось, ему на всё наплевать, он словно существовал отдельно, вне этого мира.

Цзи Чжаосюнь поджал губы и стиснул пальцами нежный подбородок юноши.

Стоило лишь наклониться, и он мог бы поцеловать эти язвительные губы.

Но Цзи Чжаосюнь не стал этого делать. Он лишь ровным голосом спросил:

— Как ты узнал, что это я?

Низкий голос заполнил собой тесное пространство.

Дыхание касалось щеки юноши.

Цзи Чжаосюнь видел, как тот пытается отвернуться, и сжал пальцы сильнее, заставляя смотреть на себя.

Кожа на подбородке горела от грубого прикосновения.

Юй Люгуан почувствовал дискомфорт и нахмурился. Ему захотелось ударить.

Но он не понимал, как это работает.

Цзи Чжаосюнь мог его касаться, и он чувствовал это воздействие.

И пальцы, сжимавшие его подбородок, и дыхание на щеке, и высокое тело, вжимавшее его в стену.

Всё это доказывало, что для призрака Цзи Чжаосюня смерть ничего не изменила в его развязном поведении.

Но Юй Люгуан не мог его коснуться.

Стоило ему захотеть оттолкнуть Цзи Чжаосюня, как его рука проходила сквозь серую дымку, не встречая преграды.

Не дотронуться.

Не ударить.

Нужно снизить уровень гнева до девяноста.

Сейчас — девяносто пять.

Девяносто пять.

Губы юноши слегка дрогнули. Под пристальным взглядом Цзи Чжаосюня он опустил свои лисьи глаза и, помолчав, сказал:

— Кроме тебя, кто ещё станет донимать меня посреди ночи?

Цзи Чжаосюнь смотрел на его губы.

В тот день, в тесной съёмной квартире, юноша точно так же был в объятиях Пэй Шу, который целовал его, пока слёзы не выступили в уголках его глаз и он не начал задыхаться.

Он знал, что я там, и намеренно провоцировал меня.

Жестоко?

Цзи Чжаосюнь не считал себя слишком жестоким.

Он с трудом подавил желание убить Пэй Шу и ровным голосом произнёс:

— А Пэй Шу? Этот калека не стал бы?

Он не верил, что кто-то мог бы устоять перед Юй Люгуаном.

Особенно этот калека.

Он получил всё: провёл с Юй Люгуаном несколько лет, жил с ним под одной крышей.

Когда-то я хотел забрать его в дом семьи Цзи, но стоило Пэй Шу лишь притвориться несчастным, как Юй Люгуан, уже принявший решение, тут же передумал.

Наедине они, должно быть, были гораздо ближе.

Цзи Чжаосюнь понял, что даже после смерти не может примириться с прошлым.

Тогда, стоило ему лишь представить некоторые сцены, как кровь закипала в жилах. Нечеловеческая ревность и жажда обладания заставляли его желать скорейшей смерти Пэй Шу, Цзи Чжаои и всех, кто мог коснуться Юй Люгуана.

Цзи Чжаосюнь поджал губы, склонившись ещё ниже, почти касаясь его лица:

— Почему молчишь?

Юй Люгуан ответил:

— Что ты хочешь услышать?

Он поднял лицо, на подбородке, сжатом грубыми пальцами, проступила краснота. Не видя Цзи Чжаосюня, он тем не менее впился в него ледяным взглядом.

— Хочешь, чтобы я сравнил тебя с Пэй Шу? Он, конечно, не стал бы вести себя так развязно ночью. Он очень послушный, слушается меня во всём. А ты... ты всего лишь отвратительное существо. Доволен ответом?

Внезапно яростный поцелуй обрушился на губы юноши.

Цзи Чжаосюнь был взбешён.

Рука, державшая его за подбородок, переместилась на затылок. Холодная широкая ладонь легла на тёплую кожу, и лёгким движением он полностью подчинил себе этого гордого, язвительного человека, заставив принять поцелуй.

Цзи Чжаосюнь снял свои очки.

И маску с юноши.

Юй Люгуан чувствовал лишь холод.

Губы этого человека были холодными, язык — холодным, дыхание — холодным. Словно ядовитая змея, выползшая из тёмных зарослей, она обвила его тело.

Холод на затылке заставил его содрогнуться.

Этот поцелуй не доставлял удовольствия.

Юй Люгуан поднял было руку, но тут же опустил.

Он прислонился к стене. Со стороны это выглядело странно: хрупкий юноша, прижатый к твёрдой стене, полностью скрытый в тени. Кто-то приподнимал его лицо, его губы были полуоткрыты, он хмурился и тяжело дышал.

Чувственно и жутко.

Но он чувствовал на себе тяжёлое давление, мог даже примерно определить, где находится тело противника.

Цзи Чжаосюнь заметил, что тот на удивление не сопротивляется.

И тогда яростный поцелуй постепенно замедлился.

Он покусывал его влажный, покрасневший язык, переходя к медленному всасыванию. Ладонь лежала на его затылке, а он, склонив голову, жадно впивался в эти мягкие губы.

Сладкая влага смешивалась, издавая смущающие звуки.

Дыхание было прерывистым, холод проникал всё глубже.

Юй Люгуан задыхался. Осенний ветер был прохладным, но Цзи Чжаосюнь был ещё холоднее. Он поднял руку, приоткрыл губы и по собственной инициативе лизнул проникший внутрь язык противника, с удовлетворением услышав системное уведомление.

[Уведомление: Уровень гнева Дитя удачи [Цзи Чжаосюнь] снизился на 5 пунктов. Текущее значение: 90.]

«Хлоп!»

Тут же последовала пощёчина.

Цзи Чжаосюнь от удара слегка повернул голову.

Этот горячий поцелуй длился недолго. В тот самый момент, когда он дрогнул от неожиданной

инициативы юноши, холодная пощёчина вернула его к реальности.

Во дворе было холодно.

Цзи Чжаосюнь не чувствовал этого, его собственная температура была достаточно низкой.

Он медленно повернул голову, чтобы посмотреть в эти влажные глаза.

Затем его взгляд опустился ниже, он увидел, как тот поправляет на себе измятую одежду. Чёрное пальто, белоснежная кожа... ожерелье с сияющим камнем на шее казалось бесценным.

Цзи Чжаосюнь на секунду задумался, кто подарил это ожерелье.

В следующую секунду жгучая боль на щеке вернула его внимание.

Он видел, как Юй Люгуан так же бил Цзи Чжаои.

Он никогда не понимал, почему Цзи Чжаои, получив удар, выглядел так, будто наслаждается этим.

И сейчас он тоже не понимал.

Это не было похоже на игру.

Скорее на унижение.

Цзи Чжаосюнь коснулся щеки, вдыхая густой аромат белой магнолии, и спросил голосом, в котором не было и тени гнева:

— Ты можешь меня касаться?

Юй Люгуан ударил довольно сильно.

Он опустил влажные ресницы и, обессиленно прислонившись к стене, с бледным лицом посмотрел на свою покрасневшую ладонь.

— Я могу ответить на твой вопрос второй пощёчиной, — спокойно сказал он.

— ...

Цзи Чжаосюнь подумал, что должен бы разозлиться.

Но в душе у него было странное спокойствие.

Юй Люгуан поднял голову.

Время шло, и скудный, бледный лунный свет начал сползать со стены вниз.

Словно силуэт в театре теней, лунный свет остановился чуть выше его шеи, и всё его прекрасное лицо вышло из тени, отразившись в тёмных глазах Цзи Чжаосюня.

Уголки глаз были красными.

Зрачки, освещённые луной, переливались, словно драгоценные камни, затмевая сияние ожерелья на его шее.

Цзи Чжаосюнь внезапно протянул руку.

Ледяное прикосновение коснулось шеи Юй Люгуана. Тот равнодушно опустил голову и услышал тихий щелчок.

Цзи Чжаосюнь разорвал ожерелье.

Он отдернул руку, цепочка осталась висеть у него на ладони.

— Кто подарил?

Юй Люгуан ответил:

— Я не обязан отвечать.

Цзи Чжаосюнь швырнул ожерелье.

— Цзи Чжаои? У него довольно прямолинейный вкус.

Ожерелье, описав дугу, упало в кусты.

Юй Люгуан выпрямился.

Он направился к месту, куда упало украшение, но ему преградила дорогу рука. Цзи Чжаосюнь встал перед ним.

— Тебе так дорого это ожерелье?

После странного спокойствия снова нахлынула ревность.

Он смотрел на это лицо.

Юй Люгуан остановился и, повернув голову, холодно взглянул на Цзи Чжаосюня, усмехнувшись:

— Ты и в подмётки не годишься Цзи Чжаои.

Возможно, это сравнение показалось ему странным. Цзи Чжаосюнь ответил лишь через несколько секунд:

— Никто никогда так не говорил обо мне.

Юй Люгуан улыбнулся:

— Теперь есть кому. Цзи Чжаосюнь, мне напомнить тебе? Ты сейчас всего лишь мертвец.

Он подошёл и остановился совсем близко к Цзи Чжаосюню. Его вздёрнутые ресницы всё ещё были влажными, а яркие губы под его пристальным взглядом то сжимались, то разжимались:

— Мертвец. Без почестей, без статуса наследника семьи Цзи, без пользы для общества. Ты можешь исчезнуть в любой момент. И ты всё ещё хочешь меня?

Прохладная ладонь унизительно похлопала его по щеке.

Дыхание Цзи Чжаосюня участилось. Он был призраком, у него не было ни дыхания, ни сердцебиения, но...

— Понимаешь?

Прохладное прикосновение исчезло, унося с собой знакомый аромат белой магнолии.

— Цзи Чжаосюнь, чем ты собираешься соперничать с Цзи Чжаои?

— ...

Юй Люгуан поднял ожерелье из кустов.

Ветки поцарапали ему кожу, оставив красные полосы, но он не обратил на это внимания.

Подняв украшение, он сунул его в карман и, обернувшись, увидел, что Цзи Чжаосюнь всё ещё стоит в той же позе, в которой его оставили.

Юноша подошёл, поднял с земли свою лисью маску и надел её.

А затем и очки Цзи Чжаосюня.

Цзи Чжаосюнь сейчас выглядел так же, как и в момент смерти.

Следа от пули не было. Если не знать, что он мёртв, его можно было бы принять за обычного человека.

Как странно.

В зале играла классическая музыка.

А снаружи стоял призрак.

Юй Люгуан опустил голову, протёр пыль с очков и подул на них.

Он поднял руку и надел очки на лицо Цзи Чжаосюня.

— Не преследуй меня больше.

Он улыбнулся и коснулся его волос, словно гладил непослушную собаку.

— Слышал?

Сказав это, он, не дожидаясь ответа, развернулся и ушёл.

Цзи Чжаои заметил исчезновение Юй Люгуана через три минуты.

В первую минуту, когда свет в танцевальном зале погас, вокруг было слишком много людей. Он увидел его и направился к нему.

Во вторую минуту тот исчез.

Цзи Чжаои подумал, что их просто разделила толпа, и, нахмурившись, включил фонарик на телефоне, бесцеремонно освещая себе путь.

На третью минуту Цзи Чжаои понял, что тот действительно исчез.

Во всём зале не было и следа юноши.

Обыскав всё вокруг, он услышал тихий шёпот.

— А где Люгуан... он только что здесь стоял. Я почти дотронулся до его руки, мог бы пригласить его на танец.

— Кажется, я видел, как он пошёл к задней двери, но я не уверен, свет был слишком тусклым.

Задняя дверь.

Цзи Чжаои сжал челюсти и быстро направился к выходу.

«Скрип...»

Дверь открылась, и звуки классической музыки мгновенно отдалились.

Скудный лунный свет падал на двор. Знакомая хрупкая фигура шла в его сторону.

Цзи Чжаои замер.

Он закрыл за собой дверь и посмотрел на растрёпанный вид юноши.

Лисья маска отбрасывала тень на его влажные глаза, но не могла скрыть явные следы пальцев на подбородке и яркую красноту на губах.

Чёрное пальто было измято, словно его хватали, на воротнике виднелись следы борьбы, а на шее — покраснения.

И ожерелья не было.

Хотя Цзи Чжаои это ожерелье и не нравилось.

Он знал о последних событиях в жизни Пэй Шу.

Он знал всё, что касалось Люгуана.

Недавно Люгуан переехал к семье Чжуан, и ожерелье, несомненно, было подарком Пэй Шу.

Хотя оно и шло Люгуану, но лучше бы его подарил он.

Подарки от других раздражали.

Цзи Чжаои стоял на месте.

Юноша, находившийся в нескольких шагах от него, поднял глаза и, кажется, только сейчас его заметил. Он на мгновение замер, а затем продолжил идти.

Подойдя ближе, Цзи Чжаои увидел на его руках красные царапины.

На бледной коже они были особенно заметны.

Цзи Чжаои коснулся его руки.

Она была холодной. Он невольно сжал её в своей ладони.

Юй Люгуану и вправду было холодно. Почувствовав тепло руки Цзи Чжаои, он не стал сопротивляться и тихо сказал:

— Пойдём внутрь.

Он отвёл взгляд.

Было очевидно, что он не хочет говорить о том, где был.

Цзи Чжаои посмотрел на его губы и, проигнорировав его слова, остался на месте, хмуро спросив:

— Что случилось?

— Ничего, — Юй Люгуан посмотрел на него и, помедлив, сказал: — Ладно, пойдём внутрь.

Цзи Чжаои сжал его руку:

— Это Вэй Чи? Неудивительно, что я его не видел.

— ... — Юй Люгуан на несколько секунд задумался.

Если Цзи Чжаои решит, что это Вэй Чи, то, скорее всего, между ними будет драка.

Через несколько секунд он не подтвердил и не опроверг.

— Немного холодно, — сказал он. — Я хочу домой.

Мысль о том, что это мог сделать Вэй Чи, разозлила Цзи Чжаои.

Он сжал его руку, согревая её в своей.

— Я отвезу тебя в машину.

Водитель, сидевший в машине, очнулся от дрёмы, услышав, как открылась дверь.

Он вышел и услышал холодный приказ Цзи Чжаои:

— Отвези Люгуана к семье Чжуан. Меня не жди.

Водитель удивлённо ответил:

— Хорошо.

Он снова сел в машину и в зеркале заднего вида увидел, как прекрасный юноша на заднем сиденье опускает стекло.

— Цзи Чжаои.

Юй Люгуан сказал:

— Это не Вэй Чи.

Цзи Чжаои ответил:

— Я не верю. Если не он, то кто? Чжуан Цзуна здесь нет.

А остальные студенты? Они бы посмели?

Посмели бы пойти против семьи Цзи, против него?

Цзи Чжаои стиснул зубы и развернулся, чтобы уйти.

[...Ладно.] — Юй Люгуан медленно отвёл взгляд и закутался в пальто, которое дал ему Цзи Чжаои. — [Вэй Чи сам меня найдёт. Заодно и его уровень гнева немного снижу.]

Система всё это время была отключена.

Она не знала, что сделал Цзи Чжаосюнь, но, судя по прошлому опыту, могла себе представить.

[У тебя небольшой жар,] — тихо сказала система. — [Отдохни.]

Температура тела Цзи Чжаосюня была очень низкой.

Ладонь на затылке, холодный поцелуй, длившийся так долго.

Осень, холода... всё это вместе взятое не могло не привести к болезни.

Когда он приехал к семье Чжуан, жар стал ещё сильнее.

Пэй Шу ждал его дома.

Он обещал вернуться пораньше, но приехал почти в девять. Пэй Шу ничего не сказал, но сразу заметил, что юноша плохо себя чувствует, и быстро показал жестами: «Я позвоню врачу».

В первый же день, когда он приехал к семье Чжуан, дворецкий рассказал Пэй Шу о многом.

В том числе дал ему номер телефона личного врача.

Изначально дворецкий подумал, что Пэй Шу, не желавший бросать работу в бойцовском клубе,

будет часто получать травмы.

Но в итоге в первый раз личного врача вызвали для Люгуана.

Дворецкий тоже суетился, помогая.

Жар у Юй Люгуана был несильный.

Небольшая температура, лёгкое головокружение.

Для него это было лишь лёгким недомоганием. По сравнению с предыдущим миром, эти симптомы были почти незаметны.

Врач приехал, выписал лекарства и поставил капельницу.

Два маленьких флакона физраствора.

— Люгуан.

Пэй Шу показал жестами, его тёмные глаза выражали беспокойство: «Ты никогда не болеешь, почему у тебя жар?»

Юй Люгуан опустил голову, чтобы выпить лекарство.

Услышав вопрос, он приподнял ресницы и бросил взгляд на призрака, который приплыл за ним в комнату.

Из-за этой ходячей неудачи.

— Ветер сильный, простудился, — ровно сказал он.

Пэй Шу, разобрав слова по губам, продолжил жестикулировать: «Тогда нужно одеваться теплее. Хотя одежда, которую я тебе сегодня подобрал, вроде была достаточно тёплой... две кофты. Завтра нужно надеть свитер, хорошо?»

— ...Не хочу.

Юй Люгуан отвернулся, оставив Пэй Шу смотреть на его профиль.

Горький запах лекарств наполнил комнату. Пэй Шу некоторое время смотрел на него и, заметив в его глазах усталость, подошёл и осторожно поцеловал его в щёку.

Юноша повернул голову и посмотрел на него.

Пэй Шу показал жестами: «Люгуан, я скоро приду поменять капельницу, а ты пока отдохни».

Он встал и вышел.

Цзи Чжаосюнь инстинктивно отступил в сторону.

Спрятавшись в углу, он поджал губы.

Странно.

Никто его не видел.

И не мог коснуться.

Только Юй Люгуан.

Будь он жив, Цзи Чжаосюнь, вероятно, радовался бы этой особой связи.

Это доказывало, что между ним и юношей действительно было что-то особенное. Особое притяжение, особая любовь.

Но при жизни он не умер бы и не столкнулся бы с такой проблемой.

Так что решения не было.

Теперь, после смерти, Цзи Чжаосюнь снова почувствовал, что он действительно мёртв.

Умер в той машине, от руки Юй Люгуана, от холодной пули.

Он коснулся живота, который пронзила пуля. Никто не думал, что он умрёт так просто, так незначительно, так буднично.

Судорожная боль и ослепляющая кровь, залившая его с головы до ног, исказив черты. Он согнул пальцы и начал вспоминать слова Юй Люгуана.

— Мертвец. Без почестей, без статуса наследника семьи Цзи, без пользы для общества. Ты можешь исчезнуть в любой момент. И ты всё ещё хочешь меня?

Исчезнуть в любой момент.

Цзи Чжаосюнь посмотрел на свои руки.

В тёмном пространстве они казались реальными, а не призрачными.

Мертвец.

Он мертвец.

Мертвец, который по какой-то причине остался в мире живых.

— Ходячая неудача.

Внезапно раздался тихий голос.

Цзи Чжаосюнь поднял голову. Увидев его, он вспомнил три унижительных похлопывания по щеке.

Он стоял неподвижно.

Юй Люгуан повернул голову.

Рука с капельницей лежала на столе, на губах остался тёмный след от лекарства, влажный и холодный.

— Не слышишь? Я тебя зову.

— ... — тёмные глаза Цзи Чжаосюня потемнели.

Он постоял несколько секунд, а затем подошёл к Юй Люгуану, чтобы посмотреть, что тот скажет.

Рука схватила его за ткань пиджака в районе пуговиц, с такой силой, что Цзи Чжаосюнь, схватив его за руку, наклонился.

Поцелуй с горьким привкусом.

Он, должно быть, не хотел его целовать.

В тот момент Цзи Чжаосюнь отчётливо это понял.

Как он и думал, мягкое прикосновение длилось всего секунду, а затем во рту Цзи Чжаосюня появился горький вкус лекарства. Он моргнул, рука, которую он держал, вырвалась, и в следующий миг юноша приоткрыл губы, и лекарство, которое он держал во рту, потекло ему на лицо, по подбородку, на шею, на галстук, впитываясь в тёмную ткань пиджака.

Сквозь горечь он, кажется, уловил очень лёгкий, едва заметный аромат его тела.

Юй Люгуан оттолкнул его.

— Ходячая неудача, — неторопливо и холодно бросил он. — С тобой одни неприятности. То отчисление, то простуда.

Лекарство было тёплым. Оно стекало по его лицу и капало на пол.

Цзи Чжаосюнь поднял руку, вытер лицо, а затем слизал с губ горькую жидкость, словно так он мог поцеловать мягкий рот юноши.

Цзи Чжаосюнь уже не понимал, о чём думает.

Он подумал, что, должно быть, выглядит сейчас очень жалко. Его унизили, но он, как ни странно, не чувствовал ничего негативного.

Цзи Чжаосюнь посмотрел на юношу. На его губах тоже блестела влага, словно от поцелуя. Через мгновение он медленно сказал:

— Я не имею отношения к тому, что тебя чуть не отчислили.

Юй Люгуан ответил:

— Цзи Миншоу был главным, а ты — вторым. Это называется «не имею отношения»?

Цзи Чжаосюнь замолчал.

Он попал в точку.

Цзи Миншоу, преследуя свои цели, договорился с руководством школы Вэйэр об отчислении юноши.

Сначала он действительно не знал об этом.

Позже, когда дело было уже наполовину сделано, он узнал.

Но он промолчал. Не мешал, ничего не говорил.

Он остался в стороне, потому что подсознательно тоже хотел, чтобы юноша остался в доме семьи Цзи, был с ним, женился на нём.

Чтобы все эти Вэй Чи, Пэй Шу, Цзи Чжаои, Чжуан Цзуны — все исчезли.

Чтобы он был только с ним, с утра до вечера, как любящая пара.

Юй Люгуан допил лекарство.

Встал, поднял руку с капельницей, а другой схватил его за галстук и потянул назад, садясь.

Цзи Чжаосюнь подумал, что тот снова хочет повторить свой трюк.

Он даже рефлекторно прикрыл глаза.

Но вместо этого его обдало ароматным ветерком, голова откинулась в сторону, и он получил ещё одну пощёчину.

Воротник был сильно натянут. Цзи Чжаосюнь некоторое время смотрел в пол, а затем снова поднял глаза на него. Щека горела.

Он видел, как эти лисьи глаза холодно смотрят на него.

Рука, ударившая его, сжимала его воротник.

Холодные костяшки упирались ему в горло, чуть выше кадыка. Цзи Чжаосюнь опустил голову и, помолчав, сказал:

— Ты так вымещаешь на мне свой гнев?

<http://bllate.org/book/13670/1589724>